

Сейчас он искренне надеялся, что поправится, чтобы хоть как-то отблагодарить Чу Хуншэна. Если же он умрёт, это будет слишком несправедливо по отношению к тому, кто его спас.

Шатаясь, он прошёл минут пять, когда вдруг услышал голос Чу Хуншэна:

— Староста, помоги связаться с людьми, я хочу продать свой дом!

Староста вздрогнул:

— У тебя осталось только это жильё, и ты хочешь его продать? Что ты задумал?

Голос Чу Хуншэна звучал даже легко:

— Мне нужно лечить Сюэ Динъюаня. Деньги на похороны матери ушли все, землю забрали. Не продав дом, не выживу... Хотя я и так собирался его продавать. Больше у меня никого нет, о себе сам. В земле копать не умею и не смогу, собираюсь уехать на заработки.

В последние годы многие молодые люди уезжали на заработки, и староста привык к этому, но всё же сказал:

— Но дом в деревне — это всё же корни.

Чу Хуншэн на мгновение замолчал:

— Корни — это люди, староста. Ты и несколько дядюшек помогли мне, я обязательно отблагодарю вас в будущем...

— О чём говорить? — перебил староста слова Чу Хуншэна. — Твой отец в своё время немало помогал нам бесплатно. Мы можем сделать для тебя слишком мало, увы!

Чу Хуншэн не продолжил благодарности:

— Дом у меня кирпичный, думаю, можно продать за три тысячи, но мне хватит и двух тысяч пятисот. Только одно условие: мы с Сюэ Динъюанем поживём там какое-то время, пока он не окрепнет, а потом уедем.

Староста, видя его решимость, сказал:

— Ладно... Но ты подумал о том, что Сюэ Динъюань он...

— Не будет! — на этот раз Чу Хуншэн перебил старосту.

Эти слова, лишённые оснований, но полные уверенности, заставили самого Сюэ Динъюаня поверить, что у него всё получится.

Староста помог Чу Хуншэну уложить Сюэ Динъюаня на кан, а затем ушёл заниматься продажей дома.

Чу Хуншэн некоторое время смотрел на Сюэ Динъюаня, затем укрыл его одеялом, подумал, смочил полотенце и положил ему на лоб, после чего вышел собрать дрова и растопить кан.

Он заглянул в свой рисовый бочонок — на дне осталось совсем немного риса. Он зачерпнул немного, чтобы сварить кашу.

Засыпав рис в кастрюлю, он не удержался и снова подошёл к кану, уставившись на Сюэ Динъюаня.

Даже лишённый других ощущений, Сюэ Динъюань чувствовал на себе взгляд Чу Хуншэна...

Его это начинало нервировать, и он даже подумал: неужели Чу Хуншэн собирается его сварить и съесть?

Но тут он почувствовал вину. Человек спас его, а он строит такие нелепые догадки.

Однако ощущение, что на тебя смотрят, было странным... И, как уже говорилось, этот человек ему вовсе не знаком, зачем он всё это делает?

К счастью, Чу Хуншэн смотрел недолго, сменил полотенце на лбу и пошёл проверять кашу. Вскоре аромат риса наполнил комнату.

Чу Хуншэн принёс миску рисовой каши, долго и осторожно дул на неё и, когда температура показалась идеальной, снова подошёл к кану.

Он забрался наверх, приподнял Сюэ Динъюаня, прислонив к себе, и собрался кормить его.

От таких действий сердце его забилось чаще, но он быстро одёрнул себя, сосредоточившись на том, как заставить Сюэ Динъюаня поесть.

Это было сложно: Сюэ Динъюань был в коме, с температурой, он не мог сам открыть рот, не то что есть.

Чу Хуншэн поставил миску в сторону, одной рукой обхватил шею Сюэ Динъюаня, другой сжал ему щёки — рот Сюэ Динъюаня стал похож на рыбий...

Чу Хуншэну это показалось забавным, и он ещё пару раз сжал щёки.

Сюэ Динъюань был в замешательстве.

К счастью, Чу Хуншэн помнил о главном. Он приложил больше силы и наконец разжал челюсти Сюэ Динъюаня.

Затем он зачерпнул ложку каши и положил в рот.

Сюэ Динъюань изо всех сил старался проглотить, но не смог — рисовый отвар вытек из уголков рта.

Чу Хуншэн не ожидал такого, поспешно опустил Сюэ Динъюаня, вытер его и снова принялся кормить.

Сюэ Динъюань пытался глотать что есть мочи, но в бессознательном состоянии глотательный рефлекс был слаб. К счастью, Чу Хуншэн был очень терпелив, даже успел подогреть кашу на кухне.

Сюэ Динъюань прикинул, что на эту миску ушло больше получаса...

Хотя Чу Хуншэн и был хорош собой, выражение лица у него всегда было суровым и неприступным, и такой терпеливости от него не ожидалось.

Но когда каша попала в желудок, снова стало тепло и комфортно, и его потянуло в сон.

Однако Сюэ Динъюань боролся со сном, боясь, что уснёт и не проснётся, но держаться глаза открытыми было невыносимо...

Пока он боролся с собой, Чу Хуншэн тоже колебался.

Потому что Сюэ Динъюань выглядел... очень грязным...

Хотя Чу Хуншэн и не брезговал, но грязь была реальной.

Он понимал, что Сюэ Динъюаня нужно помыть, но не знал, как подступиться.

Ведь...

Пока он вёл внутреннюю борьбу, староста вошёл во двор и окликнул его:

— Хуншэн, ты дома?

— Да-да-да! — поспешно отозвался Чу Хуншэн.

Староста вошёл в дом. Чу Хуншэн усадил его и пошёл наливать воду.

— Не утруждайся, не надо! Я по поводу дома, — остановил его староста.

Чу Хуншэн не стал церемониться, но удивился:

— Так быстро продали?

Лицо старосты выдало смущение:

— Хуншэн, скажу честно: вернулся, посоветовался с твоей тёткой... Ты знаешь, мой старший скоро женится, но дома нет. Да и работает он недолго... Есть только две тысячи семьсот.

Староста был человеком честным и не хотел обмануть Чу Хуншэна. Дом стоил три тысячи, но такой суммы у него не было.

Чу Хуншэн помолчал:

— Но нам ещё нужно здесь жить...

— Живите, живите, я знаю. У старшего до свадьбы ещё полгода, живите сколько надо.

Чу Хуншэн расслабился:

— Если договоримся, что мы поживём немного, я возьму две тысячи пятьсот.

— Ни за что! — настаивал староста. — Две тысячи семьсот — и то мы в выигрыше!

Они долго спорили, но в итоге сошлись на двух тысячах шестистах.

Договорившись о цене, староста ушёл запрягать телегу, чтобы отвезти Сюэ Динъюаня в больницу. Чу Хуншэн больше не колебался: быстро разодрал одежду на Сюэ Динъюане, набрал тёплой воды и начал энергично тереть ему тело.

Он терел и бормотал:

— Это не я хочу воспользоваться тобой, просто... ты слишком грязный, боюсь, что в больнице врачей и медсестёр испугаем запахом!

Сказав это, он заметил, что лицо Сюэ Динъюаня покраснело сильнее.

Неужели от натирания температура поднялась?

Чу Хуншэн испугался, но, видя, что почти закончил, поспешно накрыл Сюэ Динъюаня одеялом, достал свою чистую одежду и осторожно надел на него под одеялом.

Сюэ Динъюань действительно покраснел: он сам чувствовал запах и не знал, не испачкал ли Чу Хуншэна, когда тот кормил его кашей...

Чем больше он думал, тем больше стыдился, а когда стыд достиг предела, он... снова потерял сознание!

Очнувшись, он почувствовал специфический больничный запах и облегчённо выдохнул — по крайней мере, он не умер.

Он попытался открыть глаза, но не смог, зато услышал, как Чу Хуншэн взволнованно сказал:

— Медсестра, медсестра! Посмотрите, у него глаза двинулись!

Кто-то подошёл, долго возился, затем врач произнёс:

— Нет признаков пробуждения.

Чу Хуншэн был очень обеспокоен:

— Посмотрите ещё, доктор, посмотрите ещё! Я точно видел, как глазное яблоко двигалось под веком.

Врач, не выдержав мольб, снова подошёл осмотреть.

<http://bllate.org/book/16745/1561568>